

Илья В и н и ц к и й

ДУША В «ЗАКРЫТОМ» ОБЩЕСТВЕ

Эпидемия столоверчения в России 1853—1855 годов

Первое место между новостями, бесспорно, принадлежит тайне, которую природа доселе скрывала от людей и на следы которой теперь только начинают нападать.

Московские ведомости. 30 апреля 1853 г.

Из окошка вывалился стол

И пошел, пошел, пошел, пошел...

К.И. Чуковский. Федорино горе

1

Вопрос о мистицизме является ключевым в теории «открытого» общества. Анри Бергсон считал мистическую интуицию силой, которая преодолевает инерцию «статической» религии, характерной для замкнутого общества. К нравственной свободе человечество ведут люди, одаренные мистическим ощущением жизни, — пророки любви, исходящей из глубины человеческой души, соприкасающейся с творческой энергией Бога¹. В свою очередь, рационалист Карл Поппер видел в мистицизме реакцию, направленную, в конечном счете, против «открытого» общества, — «бегство в мечту о рае, в котором племенное единство раскрывается как неизменная реальность». В то же время Поппер считал нужным оговорить, что сама по себе мистика настолько многолика, что может служить самым разным политическим направлениям: «Мистики и мистика имеют своих представителей даже среди апостолов открытого общества»². В предлагаемой статье меня интересует не столько абстрактный вопрос о том, является ли мистицизм другом или недругом «открытого» общества, сколько то, как конкретное мистическое (здесь: спиритуалистическое) движение преломляет и выражает динамические тенденции данного состояния общества.

2

В русской истории XVIII—XX веков мистицизм пережил несколько взлетов, или «пробуждений», как правило, совпадавших по времени с кризисными или переломными моментами истории: 1780-е годы (нравственный кризис конца царствования Екатерины), 1810-е (победа над Наполеоном и утверждение нового порядка в Европе), 1870—1880-е годы (глубокий идеологический раскол интеллигенции) и, наконец, революционные 1900-е годы. Едва ли имеет смысл рассматривать культурно-историческую функцию этих

1 *Бергсон А.* Два источника религии и морали. М.: Канон, 1994. С. 102.

2 *Поппер Карл.* Открытое общество и его враги (примеч. 59 к главе 10) / Пер. под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 1. С. 389. См.: *Germino Dante L.* Political Philosophy and the Open Society. Baton Rouge: LSU Press, 1982. P. 27—65.

мистических пробуждений в категориях «прогрессивности» — «реакционности». Гораздо продуктивнее и интереснее попытаться увидеть в мистических «кульминациях» русской истории особый социокультурный текст, символически выражающий (или, точнее сказать, разыгрывающий) характерные для интеллектуальной и психологической жизни того или иного периода тенденции (такой взгляд на русские мистические течения мы находим в классической книге Г. Флоровского «Пути русского богословия»). Особый интерес представляет почти полностью обойденное исследовательским вниманием странное мистическое брожение, возникшее в образованном сословии в конце «мрачного семилетия» николаевского царствования, накануне Великих реформ. Речь идет о столоверчении, начальной стадии спиритического движения, зародившегося в Америке в конце 1840-х годов и распространившегося в 1850-е годы по всей Европе³.

Причины научного невнимания к «столовому оккультизму» очевидны: по сравнению со сложными и напряженными мистическими исканиями других периодов эксперименты с вертящимися, говорящими и вещими столами кажутся напрочь лишены эзотерики и гносеологической глубины, наивными и смешными. Между тем это «смешное» брожение, возникшее в период исключительно жесткого идеологического контроля государства над обществом, вовсе не было случайным или малозначимым эпизодом в истории русского общества XIX века. Мы полагаем, что эпидемия столоверчения 1853—1855 годов может быть осмыслена как своеобразная историко-культурная метафора процесса психологической и идеологической разгерметизации общества: практика сообщения с иным миром — какой бы наивной и фантастической она нам ни казалась — подтачивала монолитное *одномирие* «закрытой» империи и выражала — разумеется, в крайне причудливой форме — некоторые «модернистские» тенденции завершающегося периода⁴. Примечательно, что обсуждение столоверчения на страницах русских газет и журналов совпадает по времени с переменами в идеологических ведомствах России: на смену ультраконсерваторам (князь Ширинский-Шихматов) постепенно приходит более умеренная команда (А.С. Норов, М.А. Корф)⁵.

3 Уже в середине 1850-х годов спиритизм становится влиятельным религиозным и общественным движением в предвоенной Америке, имперской Франции и викторианской Англии, — движением, имеющим своих пророков-духовидцев, лидеров и знаменитых медиумов, канонические книги, катехизисы, институты (сообщества, центры, конференции), средства информации (журналы, газеты), издательства, ритуалы, праздники, школы и лицеи. Спиритизм как «современная религия» был воспринят самыми разными социальными группами и идеологическими течениями — от монархических до реформаторских и радикальных. В самом деле, «духи» легко подтверждали искомую участниками сеансов правоту их воззрений, в результате проецируя современную борьбу мнений в «гот» мир.

4 Представление о спиритизме как своеобразном зеркале общественного сознания 1850—1870-х годов, «собирающем», доводящем до логического предела и пародирующем многочисленные утопические цели и практики, характерные для «реального» века, разрабатывается нами в книге: *Vinitzky Ilya. Ghostly Paradoxes. Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism*. Toronto: University of Toronto Press, 2009.

5 *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб.: Общественная польза, 1892. С. 388—389.

В начале 1850 года патриарх русского романтизма, воспитатель наследника престола В.А. Жуковский получил письмо от своего друга и поверенного в литературных делах П.А. Плетнева о том, что цензура не пропустила цикл его религиозно-философских и политических статей, который он хотел включить в последний том своего итогового собрания сочинений. В числе запрещенных была программная статья поэта «Нечто о привидениях», написанная в 1848 году, в период острого общественного интереса к спиритуализму на Западе⁶. В этой статье Жуковский, давно пользовавшийся репутацией «поэтического дядьки» западных и российских чертей и привидений, предложил собственную классификацию рассказов о видениях и призраках и попытался примирить свой романтический спиритуализм с православной точкой зрения на вопрос о возможности коммуникации с загробным миром:

Не отрицая ни существования духов, ни возможности их сообщения с нами, не будем преследовать их тайны своими умствованиями, вредными, часто губительными для рассудка. Будем с смиренною верою стоять перед опущенною завесою, будем радоваться ее трепетаниям, убеждающим нас, что за нею есть жизнь, но не дерзнем и желать ее губительного расторжения: оно было бы для нас вероубийством⁷.

Осторожность, однако, не помогла поэту. «Все это, столь интересное для ясно мыслящего человека, — передавал мнение цензора Плетнев, — страшно для омраченного предубеждением и суевериями ума»⁸. В соответствии с высочайшими инструкциями⁹ цензура стремилась не допустить самого обсуждения вопросов, имевших важное значение для западной интеллектуальной жизни, а вопрос о загробной жизни души в западных дискуссиях конца 1840-х годов уже приобретал опасное политическое звучание: «еретическое» религиозное брожение и возникновение спиритизма в Америке, грозившее появлением новой религии; распространение прогрессистских религиозно-мистических доктрин, указывающих путь к коммунистическому будущему человечества. Христианско-романтическая пневматология Жуковского, при всей своей консервативности и благонамеренности, по мнению русских хранителей идеологической тишины, могла оказаться соблазнительной для русской публики. Помимо западных ассоциаций, охранителей, очевидно, пугала и память о религиозно-мистическом возбуждении александровского царствования¹⁰.

6 Подробнее об историко-культурном контексте статьи см.: *Виницкий Илья*. Дом толкователя. М.: НЛО, 2006. С. 203–207, 215–221.

7 *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1902. Т. X. С. 83–98.

8 *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 703.

9 *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры. С. 344 и сл.

10 Статья Жуковского была опубликована лишь в начале царствования его августейшего ученика, не чуждого (в отличие от его отца) мистических увлечений. В сопроводившем публикацию редакторском примечании говорилось, что «по чистоте душевной и по искренней религиозности <автор> является, как утренняя звезда новой литературной эпохи в России» (Русская беседа).

Но духи — как любовь: закроешь дверь, ворвутся в окно. Мистицизм все-таки пришел в николаевскую Россию, только не с той стороны, где его поджидали хранители порядка (теософия, оккультизм, мистическая поэзия), и не в той форме, с которой он обычно ассоциировался (различные спиритуалистические доктрины с политическими «выводами»). «Окном» для духов стала экспериментальная (или, как тогда говорили, практическая) наука, приведшая к технологическому перевороту 1850—1860-х годов. У истоков нового спиритуализма стояли научно-популярные сообщения об открытии некоей силы, поднимающей без видимой физической причины столы и производящей таинственные звуки. Сообщали также, что эти феномены могут регулярно «производиться» в присутствии некоторых лиц. Таким образом открывалась возможность для опытов, вскоре получивших наименование «вертящихся», или «танцующих», столов. Таинственные явления вначале объяснялись действием гальванического тока, животного магнетизма или бессознательным воздействием на стол пальцев экспериментаторов. Однако вскоре участниками опытов было замечено, что в наблюдаемых феноменах можно увидеть признаки разумной деятельности, а следовательно, их причину следует искать не в законах физики и не в магнетизме, а в некоей разумной воле, зачем-то дающей о себе знать человечеству. Эту разумную силу-волю «попросили» вступить с участниками опытов в «телеграфический» контакт «посредством выбивания ножкой стола условленного числа ударов для слов “да” и “нет”», а потом и для каждой буквы азбуки. Такой способ коммуникации назвали «говорящими столами». Наконец, невидимые «существа, сообщавшиеся таким образом, все объявили, что они духи, принадлежащие к невидимому миру»¹¹. Отсюда следовал вывод, что стол «повинуется не вещественному толчку, но воле духа, который дал ему часть самого себя, и можно почти сказать — вплотился в этот стол»¹².

В России восприятие и усвоение этого нового — трансфизического и экспериментального — спиритуализма было идеологически и организационно подготовлено философскими и мистическими кружками, существовавшими еще с александровской эпохи и стремившимися примирить веру и знание в «рациональной мистике», будь то животный магнетизм Месмера, мистическая психология Юстинуса Кернера, пневматология Сведенборга или Юнга—Штиллинга. Питательной средой для нового движения был также богатый «мистический фольклор» 1830—1840-х годов: многочисленные истории о сверхъестественных явлениях, постоянно обсуждавшиеся в семейных и дружеских кружках и компаниях. Между тем принципиальным отличием нового спиритуализма от старого являлся его позитивистский и демократический (точнее, общедоступный) характер: существование духовного мира поверялось практикой, то есть вызовом духов заинтересованными лицами с помощью новонайденного средства коммуникации,

---

1856. № 1. С. 13). В том же, 1856 году в «Москвитянине» было напечатано письмо «По поводу статьи В.А. Жуковского о привидениях», автор которого указывал на важность поднятого поэтом вопроса и говорил о необходимости собирать и печатать «со всей исторической верностью» все случаи, имеющие отношение к духовному миру. Сам автор приводит два таких эпизода (Москвитянин. 1856. Т. 1. С. 305).

11 Болтин Аполлон. Спиритизм. СПб., 1864. С. 6.

12 Два письма о спиритизме. СПб., 1863. С. 23.

имевшегося в распоряжении любого семейства. Каждый мог попробовать, и каждый мог сверить свои наблюдения с предлагавшимися публике естественными и мистическими объяснениями таинственных феноменов. Образно говоря, обыкновенный стол, собравший вокруг себя любопытных экспериментаторов, превратился в восприятии последних в своего рода корабль, плывущий в океане духовной жизни к далекому, но вполне достижимому (по верованиям участников опытов) берегу. Далее мы попробуем реконструировать маршрут этого виртуального плавания, рассматривая его в контексте русской общественной жизни начала 1850-х годов.

4

Днем рождения «столовой» мании, охватившей Европу накануне Восточной войны, можно считать 4 апреля 1853 года. В этот день аугсбургская «Allgemeine Zeitung» опубликовала статью своего бременского корреспондента доктора Карла Андрэ (Karl Theodor Andree) «Geisterklopfen und Tischrücken in den Hansesstädten», в которой уважаемый автор сообщал о привезенном на американском корабле письме из Нью-Йорка от бывшего жителя Бремена к его сестре, проживающей в городе. В своем письме брат бременской дамы утверждал, что движущиеся столы вовсе не американское надувательство, а серьезный факт, и сообщал ей некоторые инструкции по проведению подобных экспериментов. Дама тотчас же воспользовалась этими инструкциями, устроив у себя дома опыт в компании из восьми человек. Весть об успешном опыте (стол не только вращался вокруг собственной оси, но и двигался по комнате в северном направлении) воспламенила воображение любопытных и склонных к фантазированию немцев, и вскоре весь город (а за ним и вся Германия) занялся столоверчением¹³. Еще через несколько дней информация о странном феномене появилась в лондонской «The Times» и через посредство этого влиятельного издания быстро распространилась по всему миру¹⁴. Наибольший успех столоверчение имело во Франции. По образному описанию современника, «в Апреле месяце 1853 года великая и на этот раз таинственная армия перешла за Рейн, и во всех больших городах Франции — Страсбурге, Марсели, Бордо, Тулузе и пр., разразилась, как ружейный залп, эпидемия кружения и, чтобы вернее овладеть умами людей, напала сначала на коробки, столы, шляпы, тарелки и т. п. Особенно в Париже все повторяли опыты, сделали из них вечернюю забаву, водили и сажали в круг своих детей и пр.»¹⁵.

В России, как и на Западе, решающую роль в распространении столоверчения сыграли газеты. 13 апреля 1853 года «Северная пчела» напечатала

13 Об истории немецкого столоверчения см.: *Heimerdinger Timo*. Tischlein rück' dich: das Tischrücken in Deutschland um 1850: eine Mode zwischen Spiritismus, Wissenschaft und Geselligkeit. Waxmann Verlag, 2001.

14 Notes and Queries. 1853. August 6. P. 131.

15 Цит. по: *Снегирев В.* Спиритизм как философско-религиозная доктрина // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1871. Ч. I. С. 44. О ранней истории столоверчения во Франции см.: *Matlock Jann*. Ghostly Politics // *Diacritics*. 2000. Vol. 30. № 3. P. 53–71; *Sharp Lynn L.* Secular spirituality: reincarnation and spiritism in nineteenth-century France. Lanham: Lexington Books, 2006. P. 49–55.

заметку «Движущиеся столы», в которой содержался пересказ упоминавшейся выше статьи бременского доктора: «Вот уже скоро неделя, как наш почтенный ганзейский город... находится в тревоге совершенно особого рода, и занят таким явлением, о котором, до прибытия из Нью-Йорка парохода “Вашингтон”, никто не думал». «Остается исследовать, — писала “Пчела”, — какого рода сила стремится из рук известного числа людей и сообщает дереву <...> способность быстрого движения»¹⁶. Газета Булгарина взяла на себя роль пропагандиста нового явления в России и немедленно вступила в полемику с «партией скептиков». Она решительно опровергла прозвучавшие в других изданиях сомнения, что бременская сенсация есть всего лишь «пуф» или шутка, выдуманная иностранными изданиями: «Если б это было в американских газетах, мы сами приняли бы это за шутку», но серьезные немцы так шутить не станут¹⁷. Тут же «Пчела» сообщила об удачных опытах со столами, проведенных ее сотрудниками, вспомнила слова Шекспира о таких вещах в природе, которые не придут в голову никому из философов, и предположила, что исследование силы, движущей столы, со временем приведет человечество к великим открытиям¹⁸.

Весной и летом 1853 года газеты регулярно печатали заметки о движущихся столах в Петербурге (начиная с опытов на Детском балу 20 апреля) и других городах Российской империи (Одессе, Ставрополе, Варшаве и т.д.), в Индии и Китае, сообщения почтенных читателей об их опытах со столами и шляпами, переводы заметок о столоверчении из западной прессы, информацию о мнениях членов Парижской академии наук, исследовавших явления столоверчения (окончательного отчета комиссии так и не последовало¹⁹), а также письма ученых, высказывавших свое понимание наблюдаемых феноменов (гальванический ток, произвольное давление пальцев на стол, черовещание, животный магнетизм и т.д. — словом, весь спектр ранних интерпретаций столоверчения на Западе)²⁰. Движущиеся столы, по мнению корреспондента «Современника», «должны произвести переворот в науке, может быть, в самой Философии»²¹.

Топливом для общественного ажиотажа вокруг столов становились самые фантастические слухи о чудесах столоверчения. «Иностранные журналы, — сообщал весной 1853 года журнал “Пантеон”, — наполнены невероятными анекдотами о новой движущей силе; в одном из них мы читали, что тринадцать студентов, окружив цепью, составленную из пальцев, толстое дерево, держали его таким образом два часа, и дерево вырвалось из земли вместе с корнем; в другом журнале рассказывают, что шестнадцать особ сели в омнибус, взяли за руки и составили таким образом цепь: тотчас колеса экипажа завертелись, и экипаж поехал без лошадей, а кучер дал ему должное направление!»²²

---

16 Северная пчела. 1853. № 82 (13 апреля). С. 326.

17 Северная пчела. 1853. № 99. С. 393.

18 Северная пчела. 1853. № 88, 91, 93, 99.

19 Московские ведомости. 1853. № 69 (9 июня). С. 710.

20 Например, сообщения об опытах С.М. Усова (Погремушка. 1853. № 51. С. 59), письмо Ф. Эвальда редактору «Московских ведомостей» (21 апреля 1853 года), «Письмо к редактору Московского врачебного журнала» профессора Спасского, опубликованное в журнале «Москвитянин» № 12 за 1853 год (отдельное издание — М., 1853).

21 Современник. 1853. Отд. VI. С. 186–187.

22 Пантеон. 1853. Т. IX. № 5. С. 28.

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ

В мае 1853 года корреспондент «Отечественных записок» сообщал, что *уже весь Петербург* занялся верчением столов и прочих предметов, позабыв о балах и спектаклях:

Куда бы вы ни приехали в последнее время, вы непременно заставляли кого-нибудь за подобным занятием. Вы приезжаете к вашим знакомым и застаёте хозяев, а часто и гостей сидящими вокруг стола. До стола они не касаются ничем, кроме рук. Мизинец левой руки каждого лежит на правом мизинце соседа и таким образом составляет целая цепь. Хозяин или гость, распоряжающийся этим занятием, поглядывает на соседей и особенно долго почему-то останавливает свой взгляд на тех из них, у которых черные волосы. Все присутствующие с нетерпением ожидают, когда стол начнет двигаться. Вы заходите позавтракать в кофейню — и видите двух господ, которые составили точно такую же цепь из рук, касаясь ими не стола, а тарелки. Забыв совершенно о поданном им кушанье, они выжидают, когда тарелка станет вертеться. Вы заезжаете в кондиторскую, чтоб купить бонбоньерку детям ваших знакомых, и видите, как и здесь в разных концах комнаты несколько лиц тем же способом селятся заставить двигаться свои шляпы, и между этими лицами находится иногда даже вам знакомый, который, не поздоровавшись, прямо приглашает вас испытать с ним движение вашей бонбоньерки. Можно, наверное, сказать, что если в это время где-нибудь сходилась два человека вместе, то они непременно известным образом налагали свои руки на все — на столы, стулья, этажерки, шляпы, а если было более двух, то даже и на человека. Этого мало: те же опыты производились на танцевальном вечере и на Детском бале с сюрпризами, данном в Зале дворянского собрания, в пользу убежища взрослых девиц²³.

Уже летом 1853 года мода на столоверчение становится популярной комической темой, представленной в многочисленных фельетонах, посвященных нынешним нравам. В конце года в Москве ставятся два водевиля, высмеивающие наивных участников опытов: «Движущиеся столы. Пустячок в одном действии» Н.В. Сушкова и «Движущийся стол. Сцены из современной московской жизни» В.И. Родиславского. Героиня сушковского водевиля напевала:

Бывало женщину честили;
Теперь нас ценят, не чествят;
Бывало головы кружили;
А нынче так столы кружат!..²⁴

5

«Московские ведомости», сыгравшие, наряду с «Пчелой», главную роль в распространении моды на вертящиеся столы²⁵, первыми наметнули на возможное участие сверхъестественных сил в наблюдаемых явлениях. Со ссылкой на «Revue Britannique» московская газета рассказала о недавно вышедшей в Париже книге «под странным названием “Des esprits et de leurs manifestations fluidiques”». «Эта книга, — говорилось в заметке, — на-

23 Отечественные записки. 1853. Май. С. 133.

24 См.: Пантеон. 1853. Кн. VII. Июль. С. 5–7.

25 Московские ведомости. 1853. № 52, 54, 57, 61, 62, 66 и др.

писана с таким убеждением, так логически <...>, что невозможно видеть в ней плод галлюцинации. Автор видел и слышал собственными чувствами, поверяя их рассудком, сравнивая и взвешивая. Он не принадлежит ни к какой академии, но это не мешает ему верить в то, чему он сам был свидетелем, и давать более весу фактам, нежели предубеждениям науки, потому что и наука имеет свои предрассудки, как имеет их невежество»²⁶. Речь идет о сочинении французского католического мистика маркиза де Мирвиля «О духах и об их флюидических проявлениях», в котором таинственные явления интерпретировались как действия сатанинской силы. Во Франции книга Мирвиля воспринималась как манифест католической критики столоверчения. Между тем на первых порах она способствовала усилению и распространению спиритизма: в самом деле, если допустить действие демонов на спиритических сеансах, то необходимо допустить и «возможность и присутствия тут душ умерших людей, а в некоторых случаях даже присутствие душ людей святых»²⁷.

Уже зимой 1853/54 года в Петербурге и Москве устраиваются опыты с вызовом духов и получением от них ответов на вопросы, советов и даже художественных произведений. Важнейшим усовершенствованием в коммуникации с духами стала завезенная из Франции планшетка — треугольный столик с двумя ножками и карандашом вместо третьей, писавший сообщения от духов при возложении на него рук участников опыта. С изобретением этого «прибора», по словам известного русского спирита А.П. Болтина, «сообщения и размен мыслей с духами сделались столь же быстры и легки, как и между живыми людьми. <...> Как микроскоп открыл мир бесконечно малых, так вертящиеся столы открыли нам мир невидимых»²⁸. «Под рукою вдохновенных сочинителей» столы не только двигались и шалили, но и писали «разные изречения, на всех языках, а доверчивые свидетели столотописания искали в таких большей частью несвязных фразах — то пророчеств, то задушевных тайн присутствующих или отсутствующих лиц»²⁹.

Первые опыты «стологоворения» были семейным развлечением, но к середине 1850-х годов уже появляются «серьезные» кружки со своими медиумами (чаще всего молодыми женщинами), идеологией (чаще всего основанной на различных модификациях месмеризма и сведенборговской теософии), регулярными заседаниями и канцеляриями (например, кружок В.И. Дала в Нижнем Новгороде).

Осенью 1853 года «говорящие» столы привлекают внимание серьезных журналов. «Москвитянин» посвящает новой моде заметки «О живых столах» и «Несколько слов о столах двигающихся просто, и о столах, которые предсказывают будущее, угадывают прошедшее и отвечают письменно на всякие вопросы»³⁰. Двигающиеся столы составляют невинную забаву, которая со временем может иметь полезные последствия для науки. Однако опыты с пишущими и предсказывающими столами опасны, ибо

---

26 Московские ведомости. 1853. № 62. С. 586.

27 *Снегирев В.* Спиритизм как философско-религиозная доктрина. С. 45–47.

28 *Болтин Аполлон.* Спиритизм. С. 6.

29 Примеч. П.Б. (П. Бартенева) к «Письму А.С. Стурдзы к М.П. Сумароковой о столоверчении» // Русский архив. 1892. № 8. С. 482.

30 Москвитянин. 1853. Кн. 1. № 21. Отд. VII. С. 8–12; Отд. VIII. С. 124.

вливают на «здоровье, нравственность и умственные способности людей»³¹. «Москвитянин», «Отечественные записки», «Современник» знакомят читателей с психологическими интерпретациями мистических феноменов — «галлюцинаторными» теориями Лелю (Lelut) и Бриера де Боамона (Brierre de Boismont), а также с позитивистской критикой столоверчения, представленной на раннем этапе программной статьей одного из вождей положительной философии Эмиля Литтре (Émile Littré) «Говорящие столы и стучащие духи» («Du tables parlantes, des esprits frappeurs et autres manifestations de ce temps-ci», 1856). В этом сочинении Литтре высмеивал претензии столоверчения на оригинальность (по его мнению, все эти феномены и их объяснения известны с древности) и научность³².

Между тем стологадание и столописание к концу 1853 года приобрели такую популярность, что об опасностях «современного волхвования» счел необходимым высказаться митрополит Филарет (Дроздов). В опубликованном отдельной брошюрой письме «О стологадании» Филарет призвал участников опытов со столами осторожно размыслить, «с кем имеют дело и от кого хотят узнать сокровенное»:

Действительно ли стологадателям отвечают духи умерших, которых имена им объявляются, или имена сии употребляются ложно, и под ними скрываются некие неизвестные? В сем последнем случае, сии неизвестные суть лжецы, приписывающие себе чужие имена: но ложь не принадлежит чистым существам; отец лжи есть диавол³³.

Характерна в этой связи история о духе Жуковского, вызванном В.И. Далем в середине 1850-х годов. Чтобы удостовериться в том, что с ним говорит дух его друга, а не самозванец, Даль задал вопрос, на который мог правильно ответить только покойный поэт. Ответ удовлетворил вопрошавшего. Между тем приятель Даля, православный мистик Н. Потулов, узнав об этой истории, пришел к прямо противоположному выводу: правильный ответ «духа» лишь подтверждает способность врага рода человеческого выведывать наши секреты и принимать образы любимых нами людей, чтобы совратить нас с истинного пути³⁴. Понятно, что разрешение мистического сомнения здесь оказывается вопросом веры, а не знания.

6

Чем объяснялся общественный успех столоверчения и стологадания? Современные скептики считали, что обывательской доверчивостью, излиш-

31 Москвитянин. 1853. Кн. 1. Отд. VIII. С. 124.

32 Современник. 1856. LVIII. Июль. С. 24—47. Образец русской положительной критики представляет собой письмо князя В.Ф. Одоевского о столоверчении, адресованное О.С. Пушкиной (1854): таинственные явления, поразившие корреспондентку, ученый князь объяснял психологическими причинами. См.: Турьян М.А. [Предисловие: К вопросу о позитивистских воззрениях позднего В.Ф. Одоевского] // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 2004. Т. XVI/XVII. С. 378—379.

33 <Митрополит Филарет>. О стологадании. (Выписка из письма, от 29 октября 1853 года). М., 1853. С. 5.

34 Потулов Н. Ответ на вопрос // Домашняя беседа. 1869. Т. 43. С. 1106.

ним любопытством или просто желанием праздных умов убить время. С точки зрения церкви, слабостью в вере. По мнению историков религии, неудовлетворенностью части общества как «бездушным» материализмом, так и традиционными, санкционированными церковью способами общения с иным миром (молитва, служба)³⁵. По мнению социологов, общественной апатией и идеологическим эскапизмом напуганного революциями господствующего сословия. Еще Карл Маркс находил в моде на верчение столов в Европе свидетельством «мрачной политической реакции», наступившей после поражения революций 1848—1849 годов, и противопоставлял движение мебели в европейских гостинных революционному движению в современном Китае³⁶. Своего рода нравственно-исторический диагноз спиритуализму 1850—1860-х годов дал материалист Салтыков-Щедрин (по иронии судьбы, зять основоположника русского спиритизма А.П. Болтина):

В эпохи нравственного и умственного умаления, когда реальное дело выпадает из рук, подобные фантазмагии совершаются нередко. Не находя удовлетворений в действительной жизни, общество мечется наудачу и в изобилии выделяет из себя людей, которые с жадностью бросаются на призрачные выдумки и в них обретают душевный мир. Ни споры, ни возражения тут не помогают, потому что, повторяю, в самой основе новоявленных вероучений лежит не сознательность, а призрачность. Нужен душевный мир — и только. <...> Скорее всего, в этих случаях наиболее решительным образом влияет бесприютность жизни, умственная расшатанность и полное отсутствие реальных интересов³⁷.

Каждое из приведенных выше объяснений по-своему справедливо. Тем не менее массовое увлечение столоверчением середины 1850-х годов едва ли можно считать бегством от современности в аполитические «выси». Знаменательно, что в открытии неизвестной силы, приводящей в движение столы и «вызволяющей» души умерших из иного мира, сами апологеты нового мистицизма (как западные, так и русские) склонны были видеть наступление новой эры («the dawn of a new era»), примиряющей научное познание с верой в бессмертие души и приближающей человечество к конечной цели³⁸. «Мировая» Восточная война, начавшаяся в 1853 году, была несомненным катализатором эсхатологических и милленаристских настроений на Западе. В годы ссылки на острове Джерсей (Jersey) Виктор Гюго допрашивал духов о грядущих событиях и скорой гибели империи Наполеона Малого³⁹. Ф.И. Тютчев получал убедительные доказательства от «столов» о близкой победе православного воинства и утверждении славянской империи со столицей в Константинополе. «Мой отец, — писала в апреле 1854 года А.Ф. Тютчева, — находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания своего стола, который по по-

35 *Kselman T.* Death and the Afterlife in Modern France. Princeton University Press, 1993. P. 159.

36 *Маркс Карл.* Капитал. Т. 1. М.: АСТ, 2001. С. 128—129.

37 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1965—1981. Т. IX. С. 310—311.

38 *Kerr Howard.* Mediums, and Spirit-Rappers, and Roaring Radicals. Spiritualism in American Literature, 1850—1900. Urbana, 1972. P. 10—11.

39 Анализ исторического подтекста спиритических коммуникаций Гюго посвящена превосходная статья Джен Мэтлок: *Matlock Jann.* Ghostly Politic. P. 53—71.

воду восточного вопроса и возникающей войны делает множество откровений, как две капли воды похожих на собственные мысли моего отца. <...> Я предоставляю моим племянникам проверить эти предсказания, которые, думаю, гораздо больше выражают политическую программу моего отца, чем предвидение стола»⁴⁰. Даже в далеком американском Питсбурге духи сообщали членам спиритического общества «Гармония» о том, какие последствия будет иметь Крымская война для мира. Иными словами, мистическое столоверчение середины 1850-х годов было тесным образом связано с чувством пробуждения истории и мира, открывающих человечеству свои сокровенные тайны.

7

Подведем итоги. Газетные сообщения и многочисленные свидетельства современников дают нам возможность рассмотреть историю «столовой» мании в России буквально по дням: от первого сообщения в «Северной пчеле» 13 апреля 1853 года и первых публичных опытов (в редакции «Пчелы» и на Детском балу в зале Дворянского собрания) к «пишущим» и «пророчествующим» сеансам осени—зимы 1853 года. В орбиту столоверчения быстро вовлекаются не только обе столицы империи, но и провинция: сообщения об опытах со столами приходят из Варшавы, Одессы, с Кавказа, из Сибири. Опыты устраиваются в редакциях газет, гостиных, присутственных местах, дворянских и офицерских собраниях, при дворе императрицы⁴¹. Магазины торгуют специально приспособленными для столописания планшетками. Появляются первые скептики и первые апологеты столоверчения из числа ученых. В дискуссиях вокруг стола сталкиваются разнообразные теории, представляющие разные науки (прежде всего физику и «молодую» экспериментальную психологию). В конце осени об опасности стологадания предупреждают доктора и церковные власти. Вертящийся и предсказывающий стол оказывается своеобразным зеркалом современного общественного сознания (подобно тому, как «чудесный стол» Маркса, превращаясь в товар, становится «зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда»⁴²).

Следует заметить, что столоверчение на русской почве приняло форму, отличную от западных модификаций движения. Мода на столы в России, по словам А.П. Болтина, «только и ограничивалась небольшими кружками так называющихся цивилизованных людей, т.е. Западу более или менее подражающих; настоящей массы народа русского, как глубоко проникнутого учением православной Церкви, оно совсем даже и не коснулось»⁴³. Русские «мистические» и «экспериментальные» кружки 1850-х годов не имели (и не могли иметь, в силу цензурных ограничений) доступа в печать. Переводы основных мистических сочинений распространялись в рукописях или (начиная с середины 1860-х годов) печатались на Западе. По сравнению с американским и французским, русский «пишущий» спири-

40 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминание. Дневник 1853—1855. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 135—136.

41 Там же. С. 122—123, 125.

42 *Маркс Карл.* Капитал. С. 129.

43 *Болтин А.П.* Спиритизм. С. 11.

тизм был гораздо более «умеренным и аккуратным»: местные духи не общались новых учений (хотя попытки и делались), были политически благонадежными, даже консервативными, и отличались практическим складом ума. Однако же и в такой умеренной форме русское столоверчение представляет собой удивительный феномен в контексте последнего периода царствования Николая: с вертящимися столами публика «экспортировала» представление о неизвестной науке и неподвластной государственными институтами «разумно-действующей» силе, сдвигающее привычное восприятие окружающей действительности. Потенциальная опасность столоверчения для «закрытого» общества заключалась в том, что «источники» истинной информации о самых разных вопросах (где сейчас Пушкин, есть ли ад, выиграет ли Россия войну, как изменится мир) оказывались за пределами правительственного и церковного контроля. Не случайно свои историософские пророчества (вызвавшие, как известно, раздражение императора⁴⁴) Тютчев облачал в форму объективных «откровений духов». В известном смысле духи начинают говорить тогда, когда живым затыкают рот.

Ключевое слово в нашем понимании эффекта «столового» пробуждения в России — общественная инициатива. Никогда еще в истории русского мистицизма оккультное по своей направленности движение не приобретало столь массового и столь обыденного характера (даже в период расцвета масонских лож спиритуалистические опыты были уделом лишь немногих избранных, достигших самых высоких степеней, братьев). Действительно, участники опытов середины 1850-х годов представляли себя не избранниками-магами («традиционный» мистицизм) и не «пассивными» приемниками мистических откровений, благоговейно следившими за колебаниями «таинственной завесы» (вроде романтического поэта Жуковского), но инициаторами непосредственной и регулярной коммуникации с «тем» миром. В утопическом сознании наиболее активных поклонников столоверчения такая коммуникация была осмыслена как начало грандиозного процесса *эмансипации души умерших* и — в ближайшей перспективе — позитивного познания иного мира на основе «показаний» этих душ⁴⁵. Хотя главные события в истории русского спиритизма относятся к более позднему времени (либеральное царствование Александра II)⁴⁶, возникновение этой утопии в середине 1850-х годов представляется нам глубоко симптоматичным: «духовный телеграф» сигнализировал не столько о присутствии духов в нашем мире, сколько о вырывающихся на поверхность в пока еще призрачной форме желаниях и чаяниях русского общества накануне грандиозных исторических перемен.

---

44 *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры. С. 364.

45 Примечательно, что апологеты спиритизма утверждали, что среди инициаторов крестьянской реформы 1861 года было немало убежденных спиритов. См.: *Petrovo Solovogo M.* Obituary. Mr. A.N. Aksakov (June 8th 1832 — January 17th, 1903) // Journal of the Society for Psychical Research. 1903. Vol. XI. № CXLV. P. 45—49.

46 В 1860-е годы столоверчение трансформируется в «философский» спиритизм, систематизировавший и интерпретировавший (в духе популярных в это время прогрессивистских теорий) спиритические явления. Судьба спиритизма в «эпоху систем» и «эпоху экспериментов» выходит за рамки нашей статьи. См. об этом подробнее в: *Vinitzky Ilya.* Ghostly Paradoxes. P. 9—20.